

THE HORUS HERESY®

ANGRON

*After Desh'ea
Lord of the Red Sands
Butcher's Nails*

The New York Times bestselling series

Владыка Красных Песков

Есть лишь одно, за что стоит сражаться.

Он знает это, в то время как его отец
ослеплен ложной праведностью, братья
изображают из себя

богов в безбожной вселенной, а его
сыновьями называют себя малодушные
слабаки,

предпочитающие стезю труса пути
воина.

Но он знает -- пусть даже никто не
услышит и не поймет этого -- что есть
лишь одно, за что стоит

сражаться.

Он стоит на вершине баррикады, в руках
воют топоры. Мертвый город снова и
снова посылает

против него своих лучших воинов, и раз за
разом лучшие воины мертвого города с
воплями

падают обратно кусками плоти и
кератита. Некоторые носят цвета его
братьев -- царственный

пурпур самоговольного фүлзрита или
тусклые тона мертвенно-бледного
Мортариона. Они
нападают, мечтая о славе, и гибнут,
познав лишь боль и позор.

На некоторых грязно-белое облачение его
собственных сыновей. Они утирают точно
так же, как и

остальные. Они проливают такую же
кровь и выкрикивают те же клятвы. У
когда их тела вспороты,

а органы оказываются на холодном
воздухе, они источают точно такое же
зловоние.

В вихре мечей его посещают проблески
озарений – вытравленное на доспехах имя
кажется

знакомым на протяжении одного удара
сердца, угол удара топора напoминает о
другой схватке из

тех времен, когда пылающее светило
опалало красный песок.

Он убивает всех воинов, кто появляется
перед ним, и преследует тех, кому

хватило ума отступитъ.

Первых он сокрушает одиночными ударами натужно работающих секир. Вторых преследует прыжками, как звери с арен когда-то гнались за измученными голодом мужчинами и женщинами.

Слава?

Слава для тех, кто не сумел обрести внутреннюю силу и стал пустым паразитом, кормящимся любовью даже тех людей, которые стоят ниже него. Слава для трусов, которые боятся дать своему имени сгинуть.

Теперь он стоит над их телами, увеличивая их количество и оставляя на нагрудниках отпечатки

подошв. У его ног высится памятник тщетности: каждая смерть означает, что ему нужно

карабкаться выше, чтобы встретить свежее мясо. На спину и плечи, словно лапы зверя,

продолжают обрушиваться мощные удары
выстрелов. Раздражает, не более того.
Едва ли даже

отвлекает. Эта битва была выиграна в
тот миг, когда он только ступил на
землю мертвого города.

Он погружает топор в грудь очередного из
сыновей, но чувствует, что оружие
выскальзывает из

скользких от крови пальцев, когда воин
заваливается назад. Цепь на запястье туго
натягивается, не давая лишиться секиры,
однако он понимает, что они пытаются
сделать — трое его собственных

сынов с криками силятся удержать
захваченный топор, пусть даже клинок
застрыл в теле одного из

них. Последняя жертва воина,
обменивающего свою жизнь на шанс
обезоружить врага. Их

объединенная сила давит на руку, его
тяжелое дыхание срывается в клокочущее
рычание.

Он не тянет назад, не сопротивляется, а

бросается на них, круша доспехи ногами,
кулаками и

своими зубами из темного металла.
Благодаря своей жертвенной ловке они
просто умрут

забитыми на смерть, а не под визжащими
клинком ценного монора.

Их тела добавлены к монументу из
трунов. Теперь каждое движение
причиняет боль. Каждый

выдох истерзанных легких проходит
сквозь кровоточащие губы.

Еще есть время, время, время. Он может
выиграть эту войну без пушек брата.

Завоевания?

Кто из тиранов первым начал мечтать о
завоеваниях и объявил жестокое
притеснение доблестью?

Почему господство воли одного над
другими манит людей сильнее всех прочих
грехов? Более

двух столетий Император требовал,
чтобы галактика построилась под его
принципы ценой

десяти тысяч культур, которые жили
свободно и не нуждались в тирании. Теперь
же Гор требует,

чтобы звездные народы разрушенной
империи стали плясать уже под его дудку.

Миллиарды

утирают во имя завоеваний, чтобы
подкрепить гордыню двух тщеславных
существ в людском

обличье.

В сражении ради завоеваний нет никакой
доблести. Нет ничего более никчемного и
пустого, чем

искоренять свободу во имя новых земель,
денег и голосов, распевающих твое имя как
священный

гимн.

Завоевания столь же бессмысленны, как и
слава. Хуже того, их эгоистичная суть --
зло. И то, и

другое -- триумф лишь для глупцов.

Нет. Не слава, не завоевания.

Он идет за добычей по кровавому следу.
Воин обмяк на земле, привалившись спиной

к стене,

поверх брони на бедрах влажный узор
внутренностей. Лицо покрыто кровью. Все
в этом мире

покрыто кровью, но на лице центуриона
отразилась сама битва. От половины
осталась только

оголенная треснувшая кость, остальное
содрано топором примарха. Уцелевший
глаз офицера

прищурен от сверхъестественной
концентрации, которая необходима, чтобы
оставаться в живых и

не кричать, когда кишки вырваны из тела.
Он не должен был выжить, однако выжил,
и поднимает болтер.

Ангрон улыбается прекрасному упорству
человека и отбивает оружие в сторону
плоской стороной

продолжающего работать топора.

-- Нет, -- произносит он со свирепой
сердечностью. Этот воин и его обреченные
братья славно

сражались, и их отец старается

избежать унижения в последние мгновения.

Другие сыновья, верные ему, поют его имя, воя в развалинах. Они поют имя, которое дали ему

работладельцы, когда он был Владыкой Красных Песков. Ангрон. Ангрон. Ангрон. Он не знает, как

его намеревался назвать Император. Ему никогда не было до этого дела, а теперь возможности

спросить уже никогда не представится.

-- Повелитель, -- произносит утирающий центурион.

Ангрон садится возле сына, не обращая внимания на ручеек крови, который течет по губам, пока

Гвозди Мясника тикают, тикают и тикают в задней части мозга.

-- Я здесь, Каурагар.

Пожиратель Миров делает судорожный вдох, явно один из последних. Единственный глаз

выискивает лицо притарха.

-- Рана у вас на горле, -- слова Каурагара

сопровождаются пугающей на губах
кровью. -- Это
был я.

Ангрон касается собственной шеи. Пальцы
ощущают влагу, и он улыбается впервые за
много
недель.

-- Ты хорошо бился, -- голос примарха низко
грохочет, словно землетрясение. -- Вы все
хорошо
бились.

-- Недостаточно хорошо, -- центурион
скалит потемневшие от крови зубы в
предсмертной ухмылке.

-- Ответь мне, отец. Почему ты прижнулся
к Архипредателю?

Улыбка Ангрона угасает, полностью
уничтоженная невежеством сына. Никто
из них так и не понял.

Они всегда были так уверены в том, что
получить власть над Легионом -- честь
для него, но он

лишился избранной им жизни в тот день,
когда Император оторвал его от

подлинных братьев и

сестер.

-- Я не за Гора, -- выдыхает Ангрон. -- Я
против Императора. Понимаешь,

Каурагар? Теперь я

свободен. Ты можешь это понять? Почему
вы все твердили мне последние тридцать
лет, что я

должен считать жизнь раба честью, в то
время как я был близок к тому, чтобы
погибнуть

свободным?

Каурагар смотрит мимо примарха, в
светлеющее небо. Из приоткрытого рта
воина течет кровь.

-- Каургар. Каурагар?

Центурион выдыхает, издает медленный
усталый вздох. Его грудь уже не
вздыхается.

Ангрон закрывает сыну уцелевший глаз и
поднимается на ноги. Он снова подбирает с
земли

топоры, и цепи гремят о броню.

Ангрон. Ангрон. Ангрон. Его имя. Имя раба.

Он шагает по развалинам, терпя
ликующие крики обгаренных кровью
последователей -- воинов,

которых заботят слава и завоевания и
которые от рождения совершеннее, чем те
чужаки и

предатели, кого они убивают. Битва с
себе подобными -- практически первый
вытавший на их

долю честный бой, и от этой мысли губы
их генетического предка кривятся.

Пока воля Императора не сковала
Ангрона, он со своим оборванным отрядом
сопротивлялся

обученным и вооруженным солдатам
своего родного мира. Они ощущали вкус
свободы под ясным

небом и разоряли города поработителей.

Теперь же он возглавляет армию,
разжиревшую за столетия легкой резни.
Они подбадривают его

точно так же, как раньше хозяева, когда
он расправлялся со зверями ради их
увеселения.

Это не свобода. Он знает об этом. Хорошо знает.

«Это не свобода», — думает он, глядя, как Пожиратели Миров выкрикивают его имя. Но бой только начинается.

Когда Император утрет ног ударам его топоров, когда его последняя мысль будет о жалкой

тищестности Великого крестового похода, когда последним зрелищем в его жизни станет железная

улыбка Ангрона... тогда Повелитель Человечества узнает то, что Ангрон знал с тех пор, как взялся за свой первый клинок.

Свобода — то единственное, за что стоит сражаться.

Вот почему тиранов всегда свергают.

...